

Бурков Сергей Борисович
*старший научный сотрудник отдела археологии
Государственного Бюджетного Учреждения (ГБУ)
«Институт истории и археологии РСО-А», (г. Владикавказ).
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru*

**ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЕСНИЧИХ, ВСАДНИКОВ И ЛОШАДЕЙ
В КУЛЬТОВОЙ ПЛАСТИКЕ И ГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ
КАВКАЗА КОНЦА II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э.
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ.
ЧАСТЬ I.**

Ключевые слова: погребальные ритуалы, статуэтки, культы, всадники, лошади, колесницы

Key words: funeral rituals, figurines, cults, horsemen, horses, chariots

Açar sözlər: dəfn mərasimləri, heykəlciklər, inanlar, riders, atlar, döyüş arabaları

Аннотация: В статье анализируются источники и исследовательские усилия по изучению предметов культовой пластики, а также бронзовых орнаментированных поясов, найденных на Южном Кавказе, применительно к изображениям лошадей, колесниц и всадников. Исследуются вопросы причин возникновения и развитие данной изобразительно традиция, датировки привлекаемых для этой цели предметов, анализируются художественные приемы и формы гравированных рисунков, элементы вооружения. Предлагается авторская трактовка ряда персонажей, основанная на анализе материалов погребальных и бытовых памятников, а также бронзовых поясов, найденных в комплексах и обнаруженных случайно. Особое внимание уделяется находкам из Тлийского могильника. На основании анализа материалов – предлагается авторская интерпретация источников и критически оцениваются выводы других исследователей, занимавшихся данной проблематикой. Результаты работы оформлены рядом наблюдений, обобщений и выводов.

Образ лошади и всадника для территории Кавказа становится популярным, начиная с конца II тыс. до н.э., что связано с ростом роли этого животного в быту и военном деле и, как следствие - в погребальной обрядности, культовой пластике, других элементах археологических культур. Этой теме посвящены работы Ф.Е.Гулиева, О.А.Брилёвой, М.А.Очир-Горяевой, Б.А.Калоева, В.Б.Ковалевской, В.И.Козенковой, Г.Г.Король, Г.Н.Вольной, А.Д.Канторович, Е.Е.Кузьминой, Д.В.Пикалова, М.Н.Погребовой, С.В.Сотниковой, К.В.Чекушкова, Е.Л.Черленок, Х.(В)Т.Чшиева. Эта тематика присутствует в исследованиях О.А.Брилёвой, С.Л.Дударева, С.В.Махортых, Ю.А.Прокопенко, Д.С.Раевского, Б.В.Техова. Однако роль

лошади как важного элемента в формировании новых комплексных обществ скотоводческой направленности финала поздней бронзы – начального этапа раннего железного века, погребальных ритуалов, обрядовой практики и приёмов в ведении войны для народов Кавказа пока не определена. Первым этапом этого исследования может стать комплексная оценка источниковой базы, отраженной в исследовательской практике. Для этого, прежде всего, необходимо определить информационную ценность археологических источников, на которые может опираться подобное исследование. Среди них значимую часть занимают материалы, связанные с идеологическими представлениями кавказских этнических групп, проживающих в пределах изучаемой территории. Они зафиксированы в объектах культовой пластики, изготовленной как из бронзы, так и других материалов, присутствуют в графическом искусстве. Их анализу и посвящена настоящая статья. В ней будут представлены изображения лошадей, всадников и колесничих, ранее уже ставшие предметом изучения. В связи с большим объемом материала, работа будет представлена в двух частях. В первой из них обобщаются сведения о фигурках лошадей, отнесенных к категории «культовые предметы». Их представление подается в форме источниковедческого анализа исследований, в которых были опубликованы изучаемые нами артефакты.

Наиболее ранняя публикация подобного предмета относится к 1900 г. и связана и именем П.С.Уваровой. Бронзовая булава со всадником на лошади была найдена в окрестностях с. Кобань, она хранится в Венском музее [1, табл.XL,2].

В 1972 г. В.И.Козенковой издаётся работа, посвящённая возникновению и эволюции бронзовых булавок в виде протом двух лошадей. В её сводке были представлены 13 двойных булавок [2, 14, рис. 1,2-4, 6-8,10].

В 1973 г. Е.Е.Кузьмина публикует наверхие с всадниками из с. Кубачи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, которое было датировано ею рубежом III тыс. до н.э. [3, 187-188, 179, рис.1,1-4]. Однако, если исходить из характера их посадки (ноги почти прямые, всадники сидят ближе к холке лошади) – оно не может быть датировано ранее VIII в. до н.э. [4, 59-75]. По мнению С.Л.Дударева, помещение всадника ближе к холке лошади, почти прямые ноги являются признаком более ранних способов езды, относящихся ко времени начала I тыс. до н.э. [5, 33]. В то же время, анализ манеры посадки всадников у бронзовых статуэток, произведённый нами по своду О.А.Брилёвой 2012 г., заставляет усомниться в однозначной оценке подобной трактовки. Ниже приведён перечень подобных находок, расположенных во временной последовательности.

Наверхие с парой всадников из с. Кубачи IX-VIII вв. до н.э., которые размещены ближе к холке со слабо согнутыми ногами (с.341, кат.431). Бронзовая булава, увенчанная фигуркой всадника, сидящего на крупе лошади с сильно подогнутыми ногами из с. Кобань, датированная IX-VIII вв. до н.э. (с.341, кат.433). Кинжал с навершием в виде 2-х всадников IX-VIII вв. до н.э. (О.А.Брилёва), середины-второй половины VIII вв. до н.э. (В.(Х).Т.Чшиев) из погребения № 37 Адай-донского могильника: персонажи размещены почти посередине туловища лошади со слегка

подогнутыми, почти прямыми ногами (с.339, кат.456). Всадник на лошади, происходящий из района о. Гекче (VIII в. до н.э.) сидит ближе к холке, ноги – сильно согнуты (с.349, кат.478). У фигурки всадника, найденной в Сванетии, в с. Цагери, располагавшейся примерно посередине тулова лошади, ноги – сильно согнуты, дата – VIII в. до н.э. (с.348, кат.473).

В последующее время (VI-V вв. до н.э.) ситуация та же. Наконечник культового жезла из Казбекского клада с симметрично расположенными двум фигурами всадников, стоящими на голове тура: фигурки размещены ближе к холке, но ноги – почти прямые (с.308, кат.304). Умбовидная бляха из того же клада с фигуркой всадника: он сидит посередине туловища лошади с сильно согнутыми ногами (с.310, кат. №№ 308-309). Подобная же фигурка из того же клада: всадник сидит ближе к холке, ноги сильно согнуты (с.310, кат.310). У всадника на лошади из с. Самашек, Чечня (VI в. до н.э.), сидящего примерно посередине туловища, ноги – почти прямые (с.348, кат.475).

Та же тенденция фиксируется и в дальнейшем. На фрагменте культового жезла, найденном в с. Садгезури в Южной Осетии (V-IV вв. до н.э.) всадник на лошади сидит ближе к холке, ноги – сильно согнуты (с.340, кат.429). Фигурка человека на рогатом животном из с. Камунта помещена ближе к холке животного, ноги – почти прямые, дата - IV-III вв. до н.э. (с.349, кат.477). Всадник на лошади из с. Кумбулта (III-I вв. до н.э.) сидит ближе к холке, ноги - прямые (с.349, кат.479). На ажурной поясной бляхе с изображением всадника, происходящей из погребения № 1 Урсдзуарского могильника в Южной Осетии, датированной I-II вв. н.э., он сидит ближе к холке с почти прямыми ногами (с.339, кат.454). На подвеске, найденной в Цунтинском районе Дагестана и датированной I-IV вв. н.э., всадник сидит примерно на середине тулова лошади, откинувшись назад, с сильно согнутыми ногами (с.342, кат.440). Как видно из приведённой выборки, во всех выделяемых периодах позы всадников – самые различные: они размещаются как ближе к холке, так и посередине корпуса, с прямыми, слегка подогнутыми и сильно согнутыми ногами [6, 308, 310, 339 – 342, 348 – 349]. Исходя из фактов, приведённых выше, следует заметить, что характер размещения всадника на лошади, применительно к бронзовой пластике, далеко не всегда следует безоговорочно признавать за единственный эталон для датирования подобных предметов. Однако, вернёмся к теме формирования источниковой базы для нашего исследования.

В 2006 г. выходит работа В.И.Козенковой, посвящённая бронзовым пряжкам с изображением лошадей. Ей известны 6 подобных предметов в виде лошадей: 4 – в России, 2 – за рубежом. По её мнению, первоначальной моделью могли быть предметы из Луристана. М.Н.Погребова датировала эти предметы VII в. до н.э., Е.И.Крупнов – XI-IX вв. до н.э. В качестве аналогии ею приводится изображение на лопасти топора из погребения № 109 Тлийского могильника, где показаны вздыбленные кони, дата погребения – конец X-IX вв. до н.э. Кроме того, в Кобанском ущелье был найден бронзовый топор кохидского типа, украшенный рельефным изображением лошади, датированный Е.И.Крупновым IX-VIII вв. до н.э.

Наиболее активная фаза контактов приходится на XI-VIII вв. до н.э. [7, 18-23]. Значительную работу по изучению антропоморфной бронзовой пластики археологических культур Кавказа середины II тыс. до н.э. – X в. н.э. проделала О.А.Брилёва. Ниже приводятся те из публикаций, в которых встречены интересующие нас материалы.

Так, в работе 2007 г., посвящённой теме классификации антропоморфной металлопластики Кавказа, О.А.Брилёва публикует фигурку всадника, как происходящую из грунтового погребения № 17 Ширакаванского могильника. Он показан сидящим близко к холке коня, ноги слегка согнуты в коленях, пятки – под крупом [8, 14, 18, рис.1,7]. В публикации 2009 г. она отмечает, что бронзовые статуэтки всадников появляются на Кавказе не ранее X в. до н.э. В Закавказье они известны в X – VII вв. до н.э., в VII – VI вв. до н.э. они проникают на Северный Кавказ. Появление иранских племён на западе Ирана совпадает с появлением первых статуэток всадников на территории Кавказа. Она считает, что появление этих фигурок должно быть связано с иранским влиянием [9, 131-132]. В том же году у неё выходит ещё одна статья, посвящённая сравнительному анализу наборов антропоморфной пластики из памятников кобанской культуры [10, 172-182]. Автором отмечено, что статуэтки на булавках встречены в 2 экземплярах, на одной из них изображён всадник (10, 174, рис.1,3). Она считает, что по посадке в седле фигурка близка всадникам на умбовидных бляхах VI-V вв. до н.э. Однако, седла у данной фигурки нет. Вероятно, в данном случае, автор использует мнение П.С.Уваровой о том, что всадник опирается на заднюю луку седла [1, 52]. Согласно наблюдениям О.А.Брилёвой, статуэтки всадников бытовали в IX-V вв. до н.э. Фигурки наездников встречаются на территории восточного варианта кобанской, а также зандакской, колхидской, сарматской культур, в Иберии и Урарту. Фигурки на булавках появляются с XI в. до н.э., в IX в. до н.э. булавки исчезают и появляются статуэтки всадников. Но в данном случае, фигурка воина с небольшим луком в горите, судя по деталям – сложным рефлексирующим, помещена именно на булавку, в связи с чем предложенная здесь дата - VI-V вв. до н.э. – должна быть пересмотрена. В её сводном труде 2012 г. этот предмет уже отнесён к IX-VIII вв. до н.э. [6, 178-179]. На наш взгляд, исходя из её наблюдений, данную фигурку следует датировать временем не позднее IX в. до н.э. Далее ею представлена схема вариантов бронзовой пластики на территории кобанской культуры. Обращает на себя внимание то, что для восточного варианта наибольшее количество общих видов (8) – с Зандакской культурой, на втором месте – центральный вариант, затем – Иберия (6), колхидская культура (5), Урарту (3), самтавская (2), ходжалы – кедабекская (1), восточно-кавказская (1). У западного варианта 3 общих формы с Иберией, 2 – с Зандакской и центральным вариантом кобани, и 1 – с колхидской культурой. Территория центрального варианта по наличию общих форм обнаруживает наиболее интенсивные связи с Иберией и Зандакской культурой (8), с восточным вариантом (7), колхидской культурой (4) и по 2 общим видам – с западным вариантом кобани, самтавской культурой и Урарту. Общим

ядром для антропоморфной пластики на территории всех вариантов кобани является центральный вариант. Однако с ним у западного и восточного вариантов меньше общих видов пластики, чем с территорией других археологических культур. Обращает на себя внимание то, что наиболее многочисленные параллели для восточного и центрального варианта кобани установлены для круга памятников зандакского типа, что важно для наших последующих построений. Исходя из сделанных О.А.Брилёвой наблюдений, можно констатировать по-преимуществу закавказские корни этой традиции.

В статье 2011 г., посвящённой бронзовой антропоморфной скульптуре Кавказа эпохи поздней бронзы, ею отмечено, что к этому времени относится 38 фигур и композиций, большинство из них – из случайных находок. Они появляются на Северном Кавказе не ранее XI в. до н.э. (Сержень-Юрт) и распространяется лишь после IX в. до н.э. – т.е. – в раннем железном веке. Находки с территории западного, центрального и восточного районов кобанской культуры в данной статье она не рассматривает, т.к. они относятся к эпохе раннего железного века. Однако, находки из Сержень-Юрта относятся к XI в. до н.э. Кроме того, эпоха раннего железа территории кобанской культуры наступает позднее, чем в Закавказье, где к IX в. до н.э. он уже определён, тогда как для Северного Кавказа этот этап фиксируется не ранее середины VIII в. до н.э. – по крайней мере, для территории центральной зоны р. Терек [11, 61-72; 12, 28]. Именно в этой зоне и располагаются памятники восточного варианта кобанской археологической культуры. В эпоху поздней бронзы надкультурные варианты антропоморфной пластики ей известны только для территории Армении и представлены скульптурой вооружённого всадника в шлеме, датированной XII-XI вв. до н.э. В данной работе фигурка всадника на коне вновь даётся как происходящая из грунтового погребения № 17 могильника Ширакаван Анийского района Армении с комментарием, что это самое раннее из встреченных изображений всадников. Человек сидит близко к холке, ноги – слегка согнуты в коленях и заведены под грудь лошади (шенкеля). Однако в её монографии этот же рисунок представлен как всадник с территории Урарту – окрестности оз. Севан (Лчашен), дата – VIII в до н.э., что является более правильным [6, 349, кат.478]. По мнению данного исследователя, наибольшую популярность они получили в VIII-V вв. до н.э. в самтавской культуре ахеменидского периода, центральном и восточном вариантах кобанской, колхидской, урартской культурах, а также в более позднее время (сарматское). Бронзовая антропоморфная пластика могла возникнуть как под влиянием юго-восточных соседей, так и самостоятельно [13, 14, 18, рис.1,7].

Ряд предметов бронзовой пластики, в т.ч. – с фигурками лошадей и всадников, приведены в монографии О.А.Брилёвой, опубликованной в 2012 г. Так, среди прочих, в перечне артефактов антропоморфной пластики присутствует булава с навершием в виде фигуры всадника. Она происходит из центрального варианта кобанской культуры, с. Кобань, хранится в Венском музее. О.А.Брилёвой предмет датирован IX-VIII вв. до н.э. Слева

на бедре у всадника – предмет, напоминающий налучье с вложенным в него луком, на что обратил внимание М.В.Горелик. По его мнению, на булавке хорошо видны бедро и голень воина (?) с луком в налучье, лук наполовину торчит из него, дата – VII в. до н.э. [14, табл. XLV, 92]. Отметим здесь, что верхняя часть лука снабжена, вероятно, костяным навершием, хотя сам предмет показан довольно схематично. П.С.Уварова считала его задней лукой седла, в чём справедливо усомнилась Г.Н.Вольная. Она считает, что булавка из Кобанского могильника синхронна «эргеткам» и должна быть датирована второй четвертью V – третьей четвертью IV вв. до н.э. Однако всадник на её навершии сидит несколько откинувшись назад, ноги у него сильно согнуты в коленях. По наблюдениям В.Б.Ковалевской, эта поза имеет аналогии только на самых ранних ассирийских изображениях IX в. до н.э., что является определённой хронологической вехой, позволяющей относить фигурку к этому, если не более раннему времени [4, 65]. Это наблюдение приведено Г.Н.Вольной без комментариев, в связи с чем остаётся неясным, как предложенная ею датировка предмета соотносится с этим мнением [15, 82]. Ранее в докладе на конференции, прошедшей в 2010 г. в Карачаевске, данный предмет Г.Н.Вольной был датирован VI-V вв. до н.э., но без обоснования предлагаемой иной датировки этой булавки [16, 159]. Ещё один предмет из монографии О.А.Брилёвой – бронзовый топор из окрестностей с. Сулори Маяковский район, Грузия, кобано-колхидского типа, на его обухе – 2 всадника, они сидят на крупе лошади, ноги согнуты под прямым углом, в левых руках у них – стрелы, в правых – луки, на правом плече – колчаны со стрелами. Дата – VIII в. до н.э. [6, 195, 335, кат.409, с.341, кат.433].

В работе 2016 г. ею разбираются образы всадника и всадницы, представленных в антропоморфной пластике Кавказа. Одно из самых интересных – это изображение фигуры всадника – на пряжке из погребения № 65 Трельского могильника, датируемое XIII – первой половиной XII в. до н.э. С VIII в. до н.э. на Кавказе появляется парное изображение фигур всадников – погребение № 37 Адайдонского могильника, на навершии кинжала (?) из Дагестана, на обухе топора из с. Сулори. Дата этих предметов – VIII в. до н.э. На протяжении VIII в. до н.э. парные фигуры всадников сменяются одиночными, появляется и изображения всадниц, они известны только из Западной Грузии – со второй половины VIII в. до н.э. и до VII в. до н.э. – 5 экземпляров. Всадницы сидят боком. Ей известно о находке 30 фигурок всадников. Они существовали более продолжительное время. Находка с оз. Севан – всадник с луком. Всадник с луком и стрелой верхом на животном семейства кошачьих из с. Алаверди Ахметского района Грузии, всадник на лошади из с. Самашки – и другие фигурки потенциальных всадников и всадниц, которые могли сажаться верхом на животное (не обязательно на лошадь) во время особых церемоний. Ещё есть фигурки со сведенными, но не соединёнными, ногами. Таким образом, вполне возможно, что количество потенциальных всадников гораздо больше, чем считалось ранее. В дальнейшем человека стали изображать не только сидящим верхом на лошади (не обязательно на лоша-

ди), но стоящим на тулове или голове. Вероятно, это было связано с трансформацией образа всадника в образ хозяина зверей. В изображениях всадника от VIII в. до н.э. к первым векам н.э. видна преемственность традиции. На наш взгляд, подобный вывод может говорить о том, что всадничество для кавказцев олицетворяло в художественной пластике образ определённого божества верхом на лошади ещё до начала скифской эпохи и вне зависимости от мировоззрения иноэтничных подвижных скотоводов [17, 25-27].

К теме, связанной с всадниками и лошадьми, неоднократно обращалась и Г.Н.Вольная. В 2011 г. она издаёт статью, посвящённую фигуркам в виде коня со всадником, присутствующим в материалах кобанской и колхидской культур. В абзаце, посвящённом истории изучения данной проблемы, ею приводятся некоторые из работ по данной проблематике (Ю.И.Воронов, В.Б.Ковалевская, И.Алиев и М.Н.Погребова, М.Н.Погребова, Е.И.Кузьмина, В.И.Марковин, О.Д.Лордкипанидзе, А.Ю.Скаков и А.И.Джопуа, О.А.Брилёва, М.Ю.Тейлер). Она считает, что использование коня в качестве верхового животного на Кавказе прослеживается в зооморфном искусстве кобанской и колхидской культур. Наиболее архаичные изображения оседланного коня с всадником на Кавказе не выходят за нижние рамки конца II – начала I тыс. до н.э. Изображения всадников встречаются на предметах разнообразного функционального назначения: «эргетках», булавке, височных подвесках, в виде фигурок бронзовой пластики, культовых навершиях, обухе топора, навершие кинжала, украшения головного убора. В бронзовой пластике ею выделяются 4 композиции, изображающие всадника на коне. В работе приводятся изображения многочисленных предметов, имеющих прямое отношение к выбранной нами теме, хотя лишь 2 предмета отнесены к периоду до VII в. до н.э. В их числе – кинжал из погребения № 37 Адай-Донского могильника, который ею датирован почему-то серединой VI-серединой V вв. до н.э., хотя в неоднократных публикациях данный комплекс вполне обоснованно отнесён ко времени от конца IX до середины – второй половины VIII вв. до н.э., но не позже VIII в. до н.э. [18, 72; 19, 168; 20, 249]. По мнению Г.Н.Вольной, основная масса изображений относится к VI-IV вв. до н.э. Композиционно ею выделяются изображения единичного всадника на коне, 2-х всадников, расположенных параллельно, всадника в линейной композиции, объёмные изображения всадника, сидящие прямо с вытянутыми вперёд руками. По её наблюдениям, изображения колхидских мастеров – стилизованные, с Центрального и Северо-Восточного Кавказа – более реалистичные. Посадка всадников на дагестанском навершие имеет аналогии на ассирийских изображениях VIII-VII вв. до н.э., однако находка из Кубачи должна датироваться VII-началом IV вв. до н.э. В качестве примера плоскостных изображений всадника вполоборота, одна рука перед ним, вторая – позади, ею приводится и бронзовый пояс из погребения № 76 Тлийского могильника, который Г.Н.Вольной датирован VII в. до н.э. Она считает, что на бронзовом поясе из погребения № 76 Тлийского могильника изображен всадник на коне. Однако, по мнению М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского, животное, на кото-

ром восседает вооруженный луком персонаж, лошадью считаться не может. На бронзовых поясах из Тлийского могильника лошадей они точно определили только для одного пояса (II-24), для остальных они определяются с большим трудом и значительной долей условности – в основном – по контексту. По деталям они ничем не выделяются и изображают других животных, у которых узкая морда с закрытым ртом – того же типа, что и у оленей и козлов, на одной из задних ног ясно виден рудиментарный палец, уши небольшие и торчащие, как у всех безрогих существ на этом поясе, на задних лапах – копыта, передние переданы округлыми расширениями [21, 35-36]. В могильнике Сагаледжи (Грузия) была найдена статуэтка всадника, который сидит на копытном животном, не имеющим сходства с лошадью. У него длинные ноги, длинные уши, короткий хвост и общие пропорции туловища, которые находят аналогии среди животных семейства оленевых. Более всего оно похоже на лань, что было отмечено О.А.Брилёвой [6, 140]. По мнению С.Л.Дударева, на бронзовом поясе из Тли изображена священная охота на оленя и туров [22, 95]. По мнению В.А.Семёнова, бронзовые пояса служили элементом защитного доспеха и имели ритуально-символическое значение. Он обратил внимание на образ Астафи - бога охоты и покровителя охотников и диких животных. Именно этот персонаж был, по мнению исследователя, изображен на бронзовом поясе из погребения № 419 Тлийского могильника, а на самом поясе изображена та охотничья дань, которую через посредничество случайных людей охотники должны были «пересылать» покровителю животных [23, 323]. Но тогда на поясе из погребения № 76 Тли могла быть изображена сцена этой охоты, когда охотники поражают из луков ту добычу, которая посвящена этому божеству что, на наш взгляд, является вполне допустимым предположением. На данном поясе всадник показан сидящим боком – обе ноги - в одной плоскости. По наблюдениям М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского, изображения этого типа встречаются исключительно на поясах серии VI [21, №№ 50, 51, 54, 58, 66]. Это верно применительно к бронзовым поясам, хотя подобным же образом ноги всадника показаны на пряжке из погребения № 65 Трельского могильника, относящегося к XIII – первой половине XII в. до н.э. Из объёмных же фигурок так расположены только всадницы-женщины, представленные в работе О.А.Брилёвой 2016 г. Интересно наблюдение Г.Н.Вольной относительно некоторых изображений всадников, у которых отмечены непропорционально выделенные подбородки – так иногда изображают клиновидную бороду. Среди известных нам изображений имеется лишь одна довольно реалистично исполненная фигура воина с четко прорисованной бородой из погребения № 419 Тлийского могильника [24, 273, табл.71,6]. В качестве одного из выводов, ею для эпохи раннего железного века Центрального Кавказа выделяются локальные центры, где сосредоточены изображения всадников – это высокогорные районы Дигорского ущелья и район ст. Казбек. Правда, не все приведённые Г.Н.Вольной предметы имеют отношение к заявленной теме. Так, на обухе топора из Гудаута обе лошади - без всадников, как и на височная привеска из золота из Ахалгори, а также одиночные привески из бронзы в виде лошадей, хотя

подписи к рис. 1 и 2 обозначены как «композиции с всадниками на конях» [25, 88, рис.1,5, рис.1,6, 89, рис.2 – 3. 4, 6-8].

В том же 2011 г. выходит ещё одна работа Г.Н.Вольной, посвящённая подвескам в виде сдвоенных протом лошадей, которые распространяются по всей территории Центрального Кавказа в середине I тыс. до н.э. Ею приводится обзор литературы на эту тему (Б.В.Техов, В.И.Козенкова, М.Н.Погребова, М.Н.Погребова и Д.С.Раевский, А.Ю.Скаков Г.Г.Король). Сводка подобных находок открывается бронзовой фигуркой из Чегемского общества Нальчинского округа Терской области XII-X вв. до н.э. Из женского погребения № 244 Тлийского могильника происходит подвеска с изображением протомы коней с ногами и петлей на спине, дата – X-VII вв. до н.э.. В X-VIII вв. до н.э. изображения протом коней без ног встречается на навершиях бронзовых булавок из Кобанского, Сержень-Юртовского, Фаскау – могильников, Аркасского поселения. Однако, композиции на булавках с изображением лошадиных протом в дальнейшем развития не получили. Изображение сдвоенной протомы коней встречено на поясной пряжке конца VI-первой половины V в. до н.э. из погребения № 354 Тлийского могильника. В середине I тыс. до н.э. в Северной Осетии есть привески в виде сдвоенных протом коней без ног – из коллекции В.И.Долбежева и из собрания СОГОМ из с. Камунта, золотая серьга – привеска из погребения № 21 могильника Гастон Уота. Она датирует эту находку второй половиной IV в. до н.э. В этом же погребении имеется и бронзовая пластина с изображением конских голов и копыт. Большинство исследователей связывает привески в виде сдвоенных протом коня из Центрального Кавказа с Ираном (М.Н.Погребова) По мнению Г.Н.Вольной, на их появление, скорее всего, повлияли многочисленные луристанские бронзовые привески на спине двуглавого животного X-VIII вв. до н.э. Однако, автор не уточнил, на что именно они повлияли – на их появление на территории Центрального Кавказа, или вообще – на появление этого образа? Из Луристана происходит большое количество фигурок с изображением сдвоенных протом лошадей на навершиях жезлов, псалиях, в виде привесок с петлём, фигурок без петли, всадником или всадниками на спине. Наиболее ранние сдвоенные изображения лошадей представлены на бронзовом луристанском навершии жезла конца II – начала I тыс. до н.э. Общий вывод по теме звучит так: «Проецирование идей и их воплощение в прикладном искусстве возможно только в том случае, если существует общее культурное пространство и сохранение традиций. Поэтому можно говорить об общем культурном пространстве Северного Ирана и Кавказа, о перемещении культурных традиций из Ирана в Закавказье и на территорию Центрального Кавказа». Ею отмечается, что традиции кобанской культуры не погибли после прихода сармат на территорию Северного Кавказа, и кобанское население и его традиции продолжали существование. Традиция же изображать двухголовых животных продолжалась на Кавказе с IX в. до н.э. [26, 66-70]. Относительно предложенных ею датировок заметим, что дата бронзовой фигурки из Чегемского общества Нальчинского округа Терской области - XII-X вв. до н.э. -

удревняет появление этих предметов, как минимум, на одно столетие.

Ранее этой же теме была посвящена одна из работ В.И.Козенковой 1972 г. Ей было известно о находке 13 двойных булавок. Одна из них происходит из хозяйственной ямы Сержень Юртовского поселения, относящейся к слою X-VII вв. до н.э. В погребении № 35 могильника Сержень-Юрт были найдены 2 булавки с 2 протомами лошадей. Дата захоронения – конец IX – начало VIII в. до н.э. Ещё 1 булавка с 2 лошадьми происходит из Кобанского могильника (раскопки Е.Шантра). Кроме того, известно, возможно, схематическое изображение лошадей из Фаскау (собрание Б.Дзелихова), из кумбултинского могильника (раскопки В.И.Долбежева, 1888 г.), из слоя VIII-VI вв. до н.э. Аркасского поселения в Дагестане. Они встречаются от Инда до Балкан и производятся с конца II тыс. до н.э. В Кобани они бытуют на I этапе её существования и могут быть датированы IX-VIII вв. до н.э. По мнению М.И.Пикуль, находка из слоя Аркасского поселения датируется VIII-VI вв. до н.э., по мнению С.А.Есяян – это VI-V вв. до н.э. В.И.Козенковой рассматривается и эволюция данной формы, выделены несколько групп. Группа 1 – это реалистичная манера, они свойственны изображениям лошадей из Сержень-Юрта. К ним примыкают булавки из Заюково и Кобанского могильника. Группа 2 обладает уже с признаками частичной схематизации, к ним относятся булавки с конскими головками из Сержень-Юрта. Группа 3 – это булавки из В.Рутхи, Камунты, Фаскау. Датировки: 1 группа – X-IX вв. до н.э., 2 группа – конец IX – начало VIII вв. до н.э., 3 группа – VIII-V вв. до н.э. [27, 14, рис. 1, 2-4, 6-8, 10].

В работе 2012 г. Г.Н.Вольной и А.Б.Депуевой [28, 167-169] публикуется бронзовая фигурка всадника, который изображен слегка склоненным к холке лошади, руками он держится за её гриву. Судя по приведённому описанию, предмет помещён на дуговидную планку, расположенную так, что ноги всадника упираются в неё. Авторами приводится ряд аналогий: из Урарту (VIII в. до н.э.), с бронзового урартийского пояса из погребения № 425 Тлийского могильника (VIII-VII вв. до н.э.), Луристана, Западного и Центрального Закавказья (VIII-IV вв. до н.э.). Среди них – бронзовая булавка с навершием подтреугольной формы, на которой размещён всадник, из окрестностей с.Кобань, опубликованная П.С.Уваровой в 1900 г. Однако у всадника из анализируемой статьи, судя по описанию, ноги расположены вытянутыми вниз, тогда как у всадника на булавке они резко согнуты и поджаты под круп лошади, как и у 6 других из приводимых аналогий. Во многом, исходя из описания головного убора, который трактуется публикаторами как «напоминающий башлык с длинным до плеч широким наза-тыльником и заострённым невысоким верхом» предмет отнесён к изображениям кочевников и датирован серединой I тыс. до н.э. Но в этом случае из аналогий следовало бы исключить все предметы, «выходящие» за рамки конца VI-V вв. до н.э. Кроме того, предметы с двумя всадниками, размещёнными в качестве наверший на рукоятках клинков из Кубачи и Адайдона, топоре из Сулари, культовом жезле из клада на Бомборской поляне относятся к иному типу культовой пластики, характерной для периода IX-

VIII вв до н.э., как и предметы из Вани и Сазонкиного бугра, представляющих пары всадников в виде ювелирных изделий.

Фигурка всадника с т.н. «урартийского» пояса из погребения № 425 требует отдельного комментария. В работе, посвященной бронзовым поясам, В.Б.Техов, применительно к персонажам с пояса из погребения № 425 Тлийского могильника высказался дважды, вначале - довольно осторожно: «изображения всадников с заостренными головными уборами, опоясанных широким поясом», затем – уже более определённо: «на конниках изображены ассирийские шлемы». Он считал, что данный пояс был изготовлен местным мастером по урартийским образцам, а сам пояс – урартского типа, хотя для ряда персонажей (крылатые быки, «древо жизни», грифоны) отмечены ассирийские и переднеазиатские мотивы [24, 158-159, 285, табл.83]. Урартийские корни для ряда поясов из Тлийского могильника усмотрели М.Н.Погребова и Д.С.Раевский. Кратко остановившись на манере исполнения антропоморфных персонажей, и установив их типы, однако к их облачению они интереса не проявили [21, 52-54]. На наш взгляд, применительно к изображению головных уборов всадников с пояса из погребения № 425 и 40-б, имеющего подобных же персонажей, могут быть применены ассирийские аналогии. Для изображений на поясе из погребения № 40-б Б.В.Теховым также предполагались переднеазиатские корни [29, 272, рис.6,7, 274, рис.7,1, 276, рис.8,1-4, 284]. Обратившись к монографическому исследованию М.В.Горелика, можно установить, что шлемы, подобные изображённым на всадниках с указанных выше поясов, были свойственны именно ассирийским воинам. В разделе, посвящённом данному защитному приспособлению, он специально отметил, что все известные ему кавказские шлемы имеют коническую форму, что говорит о их связях со шлемами Ассирии, а не Урарту. Некоторые из них имеют защиту для шеи, что внешне очень напоминает описанный Г.Н.Вольной и А.Б.Депуевой «широкий назатыльник» [14, 166, 338, табл. LXI, 1-3, 24, 28, 30, табл. LXII,3]. Есть ещё одна деталь, которая сближает изображения на тлийских поясах с ассирийской изобразительной традицией – это способ оформления длинного хвоста лошади, показанный заплетённым. Практически идентичные изображения имеются у лошадей с рельефа дворца Ашшурназирпала, а также у лошадей колесницы Тиглатпаласара – III [30, 443, 468]. Датировка приведённых нами шлемов и барельефов из монографий М.В.Горелика и В.И.Авдиева – IX-VII вв. до н.э., погребений №№ 40-б и 425 - VII в. до н.э., что «выводит» изображение всадника с указанных выше тлийских поясов за рамки даты, предлагаемой авторами для публикуемого предмета.

Обратившись ещё раз к монографии О.А.Брилёвой, можно попробовать соотнести описание публикаторами головного убора всадника с другими известными формами. Они, обозначенные исследователем как «колпаки», подразделены на III варианта. Представляемая форма более всего соответствует варианту II – конической формы с загнутым в сторону лица концом колпака, который близок т.н. «фригийскому» типу головных уборов. В своде приводится 8 фигурок, одетые подобным образом. Большин-

ство из них найдены в комплексах VIII-VI вв. до н.э. Что касается головных уборов, которые О.А.Брилёва соотносит с формами, близких изображениям т.н. «скифского типа», то среди известных ей фигурок предмет в виде колпака с загнутым вперед верхом присутствует лишь у одной фигурки из состава Казбекского клада (кат.316). При этом она ссылается на типологию, разработанную Е.А.Яценко и описывает его как относящийся к типу 2 – башлыку с острым верхом, удлинёнными наушниками, но без назатыльника, аналогичный изображению на кубке из кургана Куль-Оба, относящийся к IV в. до н.э. [6, 227, 312, кат.№№ 329-331, 335-337, 370, 478]. Как видим, в нём отсутствует назатыльник, но имеются наушники, чего нет у всадника из Кабардино-Балкарского музея.

Судя по фотографии, эта фигурка или имеет серьёзные повреждения от использования, либо была отлита в форме и не прошла надлежащую последующую обработку. В то же время, на наш взгляд, она может быть сопоставлена с амулетами в виде всадников, относящихся к раннесредневековым древностям региона. По крайней мере, длинный опущенный вниз и несколько изогнутый хвост, а также явная поза галопа лошади напоминают некоторые образцы подобных изделий, отнесённых З.Х.Албеговой (Царикаевой) и В.Б.Ковалевской к выделяемому ими варианту III [31, 288, рис.2 – 6,10,12]. К сожалению, фото данного предмета не сопровождается его прорисовкой, что помогло бы уточнить ряд важных моментов.

Обратившись к другим источникам, можно установить, что среди прочих изображений лошадей присутствуют их статуэтки, выполненные из глины. Так, среди иных подобных находок, с территории Сержень-Юртовского поселения происходит значительное число глиняных статуэток животных, из которых фигурки лошадей занимали по численности второе место. В культовом помещении № 1 были найдены только они [32, 41, 150, рис.45,5,7; 152, рис.48,12; 186, рис.83,17,18]. Всего было найдено 86 таких фигурок – на Сержень Юртовском поселении. Их большинство было найдено в слое, датированном X-VII вв. до н.э. И ещё 2 фигурки происходят из Алхастинского поселения [33, 70; табл. XLIII, 18-23]. В.И.Козенковой, исходя из анализа данных форм, был сделан вывод о наличии в стаде двух видов этих животных – массивных тяжеловозов и стройных верховых [34, 15].

Кроме того, известно и значительное число разнообразных подвесок, привесок, пряжек, наверший жезлов и булавок в виде фигурок с изображениями лошадей. Они во-множестве представлены в «Материалах по археологии Кавказа» П.С.Уваровой [1, табл. XVIII, табл. XXIV, табл. XXXV, 17, табл. XXXVIII,5, табл.LXVIII, 4, табл. LXXXIV, 4, табл. LXXXVIII, 3- 4, табл. CV, 18, табл. CLVIII, 17, табл. CXX, 11,с.149, рис. 130, с.312], среди предметов, хранящихся в ГИМ и происходящих с территории Северного Кавказа, Грузии, Абхазии [35, рис.4, рис.14, с.37, IX с.48, XV, с.52, XVI, илл.53, илл.54, илл.66, илл.76, илл.102-103, илл.162, илл.163, илл.191]. Большое количество бронзовых фигурок – подвесок в виде лошадей известно и из Тлийского могильника. По мнению Б.В.Техова, такое их количество во-многом было связано с ростом роли лошади в хозяй-

стве и военном деле [36, 135, рис.100, 172, рис.115, 7-13, 173, 174, рис.116, 2-3, 197]. На территории западного варианта кобанской культуры изображения лошадей почти не встречаются. Они известны лишь из Былымского клада середины XII-XI вв. до н.э. [37, 184, табл. XXXVII, 8-10]. Нет их и в более позднее время, что резко диссонирует с другими материалами (предметы вооружения, конский убор, детали колесниц), которые связывают с кочевническими традициями подвижного населения, обозначаемого как «киммерийско-скифское» [38]. В памятниках западного варианта кобанской культуры полный лошадиный костяк был найден только раз – в гробнице № 3 могильника «Терезе», дата - середина – вторая половина VIII в. до н.э., еще в нескольких погребениях были встречены лишь отдельные лошадиные кости. Подобный диссонанс требует объяснения, тем более что в материалах, происходящих с территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Кавказских Минеральных вод, значительно больше предметов, свидетельствующих о значительной роли всадничества в жизни населения в IX-V вв. до н.э. [39, 23-25; 5, 23].

В то же время, значительное количество разнообразных образов и фигурок лошадей в кобанском искусстве именно центрального и восточного вариантов также нуждается в отдельном комментарии.

По мнению В.И.Козенковой, сюжеты с конём характерны для искусства кобани по всему ареалу (Кобань, Тли, Былым, и др.). Изображения коней – частый в кобанской культуре символ «Верхнего мира» [40, 95]. Согласно концепции Г.Г.Король, истоки северокавказских сюжетов всадников на парных конях уходят своими корнями в переднеазиатское искусство I тыс. до н.э., и северокавказское искусство занимает в нем промежуточную ступень. Такие глубокие корни, по - видимому, подпитывались общими и очень близкими воззрениями, имеющими часто общечеловеческое распространение. Многие исследователи единодушно считают, что данный мотив отражает древний и повсеместно распространённый близнечный культ. В индоевропейской культурной традиции символом близнецов являются кони. Они, или олени, символизируют Солнце. В культурах разных народов двуглавые животные, птицы воспринимаются охранителями. Предметы с такими изображениями считались культовыми и магическими. Это – обереги от враждебных сил, этот сюжет уходит своими корнями в переднеазиатское искусство [41, 199, 201-202]. С этим тезисом согласны и другие исследователи [16, 160].

На наш взгляд, можно согласиться с тезисом об общекультурных истоках восприятия роли лошади в религиозно – магических, мировоззренческих традициях древнего населения Кавказа. Однако, мнение В.И.Козенковой о том, что сюжеты с конём характерны для искусства кобани по всему ареалу этой археологической культуры, пока не подкреплён современной источниковой базой. Возможно, что отсутствие изображений лошадей подобных тем, которые известны с территории восточного и центрального вариантов кобанской археологической культуры, было связано с иными обрядово-церемониальными предпочтениями населения, оставившими памятники западной группы. Ещё одним фактором могли

быть давние связи населения указанных выше двух локальных вариантов кобани с народами Закавказья, а через них – и с культурными традициями Ближнего Востока. На наш взгляд, косвенным подтверждением этого может быть признано наличие в ряде погребений восточной группы, имеющих смешанные кобанские, каякентско-хорочоевские и зандакские традиции, погребений всадников, или присутствие в захоронениях черепов лошадей (Сержень-Юрт, Мугеранский могильник, Зандак, Знаменское, погребения №№ 34 и 38 Аллероевского могильника № 1), кости и зубы лошади – в п.№ 2 Ахкинчу – Барзойского № 1, а также захоронений с ближневосточными или закавказскими чертами в конском уборе в погребении № 37 Адайдонского могильника [19, 167 - 168, 172, рис.3, 1-3]. Х.(В).Т.Чшиев отмечает, что захоронения лошадей присутствуют на раннем этапе развития кобанской культуры. Наиболее ранними являются захоронения из Верхнекобанского, Стырфазского, Адайдонского (IX – середина VIII в. до н.э.) и Терезинского могильников. В Зандакском могильнике были найдены 2 целых коня и ещё в 2 случаях зафиксированы отдельные кости лошадей [42, 99]. Выделение особой всаднической верхушки –воинской аристократии - у кобанцев уже к середине X в. до н.э. фиксирует В.И.Козенкова [38, 119; 43, 98,123, 128, табл.VI]. С.Л.Дударевым была отмечена тенденция появления скульптурных изображений коней и их голов на кавказских бронзах в материалах конца II – начала I тыс. до н.э. По его мнению, контакты северокавказцев с Закавказьем были традиционны. Они определяли основное направление их культурного и хозяйственного развития и оказывали доминирующее влияние на процесс формотворчества [44, 10, 27, 36]. Исследованиями Т.Н.Нераденко для последней трети II тыс. до н.э. было зафиксировано заметное усиление контактов северокавказских и шидакартлийских племён, в ходе которых складывались сходные формы быта, идеологических представлений, религиозных воззрений. Шедшее впереди Закавказье влияло на развитие северокавказских племён. Начало активизации контактов приходится на время не позднее XIII в. а возможно – и ранее. Активному обмену и торговле способствовала и сложившаяся система отгонного скотоводства. Мнение о том, что ориентации на Закавказье могло способствовать археологически зафиксированное проникновение на Северный Кавказ позднесрубных племён, вероятно, было основано на материалах Северо – Западного Кавказа. Возможно, что с этими военными акциями связаны известные факты миграции групп населения Северного Кавказа в Центральное Закавказье в конце II тыс. до н.э. – каякентско – хорочоевских – предположительно – в Кахетию, кобанских – в районы Самтавро [45, 4, 14-16]. Г.Н. Вольная пришла к выводу о том, что т.н. «ближневосточный компонент» в зооморфном искусстве звериного стиля, отмеченный ею для изделий северокавказских мастеров, в их искусстве возник ещё до начала походов в Переднюю Азию киммерийцев и скифов. По её мнению, это могло быть одним из последствий военных походов, совершённых кавказцами в конце II – начале I тыс. до н.э. [46, 14; 47, 130].

В.И.Козенковой отмечается наличие в Иоро – Алазанском бассейне

мигрантов с территории, занимаемой памятниками восточного варианта кобанской культуры, начиная с XI – X вв. до н.э. [48, 134, 136, 139, 143]. В то же время, С.Л.Дударев и С.В.Махортых считают, что появление захоронений лошадей в могильниках Юго-Восточной Чечни, в Дагестане напрямую связано с влиянием кочевников из южнорусских степей [24, 39; 44, 14-16; 49, 81; 50, 57; 51, 259.]

Более взвешенную позицию в этом вопросе занял М.Х.Багаев. По его мнению, обряд захоронения лошадей уходит своими корнями к концу II – началу I тыс. до н.э., он был занесён на Северный Кавказ либо из Нижнего Поволжья, либо из Восточного Закавказья. Исследователь считает, что точка зрения В.И.Козенковой о том, что в Сержень – Юртовском могильнике захоронена местная родовая аристократия, вполне правомерна, а сами захоронения коней - это жертва, принесённая им [52, 39, 59]. По мнению О.М.Давудова, традиция совершения грунтовых захоронений, перекрытых деревянными настилами, засыпанными сверху землей и выложенные камнем, в некоторых случаях сопровождаемыми конскими костями, либо отдельными их костями и предметами конской упряжи, возникшая в Южном Дагестане на рубеже III тыс. до н.э., не связана с т.н. «северным влиянием». Погребальный обряд южнодагестанских племен данного времени находит аналогии в некоторых синхронных закавказских памятниках, особенно – Самтаврского могильника. Он считает возможным высказать предположение о том, что их появление могло быть вызвано миграцией какой-то группы племён из Закавказья, где в то время происходили бурные и сложные политические события [53, 196-197]. Каково было реальное место лошади в погребальных культах у населения, занятых подвижным скотоводством? Обратимся к работам на эту тему.

Так, Н.В.Росляковой было проведено исследование, основанное на анализе костных остатков, происходящих из могильников срубной КИО Самарского Поволжья. В 199 остеологических комплексах, найденных в 69 курганах, целых лошадиных костяков оказалось только 6, что составляет лишь 3 %. Это показывает очень незначительное место сопутствующих захоронений лошадей в погребальной практике населения Поволжья, хотя в поминальных жертвенниках отдельные конские кости встречаются повсеместно [54, 125, 127, 133, 139, 145, 148, 149]. В монографическом своде С.В.Махортых для погребений Северного Причерноморья, соотносимых им с киммерийцами, указаны лишь 2 случая, когда в погребальных обрядах использовались кости лошади. Это остатки костей лошади (в сочетании с другими костями) – Александровка, к.6 п.2 (во рву) и череп и рёбра коня – Бирюково, к.8 п.2. И это - на 224 погребения, среди которых захоронений черногооровского этапа – 129, новочеркасского – 95 [51, 52, 96]. Им же, среди более чем 20 погребений, отнесённых им к т.н. «ранним кочевникам», датированных X-концом VIII вв. до н.э. и найденных на территории Северного Кавказа не отмечено ни одного, в котором бы находилось конское захоронение. Среди костных останков тризн были найдены лишь кости овцы или барана [50, 31-37].

Обратимся теперь к материалам Закавказья. На этой территории

традиция изображения лошадей имеет многовековую историю. Так, в ходе раскопок Э.А.Рёслера курганного могильника на левом берегу р. Каркарчая была найдена привеска из сердолика в виде головы лошади [54, 48, рис.136]. На раннебронзовых поселениях Шенгавит и Мохаблур найдены глиняные конские головы, в энеолитическом кургане Союгбулака – каменный скипетр в виде головы эвкида, ещё один – в кургане III тыс. до н.э. (Тельман, Азербайджан). Глиняные фигурки лошадей известны и в других памятниках куро-аракской культуры [55, 90-91]. На поселение Кюльтепе-II были найдены глиняные фигурки лошади [56, 28]. Среди предметов из Айрушского клада есть 11 фигурок лошадей. Исследователями отмечено, что подобные фигурки характерны для памятников Закавказья XIV-X вв. до н.э. [57, 163, 165, рис.5 – 4,6,8,10,12, 166, рис.6,1-4, 167]. В Трельском могильнике, в погребальном зале № 1 были обнаружены навершия штандартов в виде голов лошадей из бронзы, глиняная скульптура лошади. Дата – VIII-VII вв. до н.э. [6, 138]. В 1986 г. в кургане, раскопанном у с. Сарычобан Агдамского района Азербайджана, были найдены 7 пар удил с псалями, оформленных в виде фигурок лошадей. Памятник датирован XII-XI вв. до н.э. [58, 203, 205]. Ряд сведений по использованию образа лошади в обрядовых действиях содержит монография Ф.Э.Гулиева. Так, им упоминаются наскальные петроглифы Гобустана в Азербайджане, где были зафиксированы схематично выполненные фигурки всадников на лошадях, а также лошадей с грузом. Их дата – IV-II тыс. до н.э. В погребении № 2 кургана № 2 Союгбулака был обнаружен скипетр – фигурка головы лошади (онагр?), дата – первая половина IV тыс. до н.э. Конские фигурки из глины упоминаются им для ряда куро-аракских поселений. На поселении Серкеретепе был найден сосуд с налепом в виде фигурки лошади. На сосудах из курганов Гараждамирли (XV в. до н.э.), среди прочих рисунков, есть и изображения лошади. На сосуде из поселения Хафтантепе в бассейне оз. Урмия имеется изображение повозки с запряжёнными в неё лошадьми. В Гарабулагском кургане № 1 (Нахичевань) на сосуде представлен силуэт воина – всадника [59, 236, 238-240, 253, 265]. Б.В.Теховым было отмечено, что глиняные фигурки лошадей были найдены в Шенгавите, Эчмиадзинском Кюль-Тепе, в Нахичеванском Кюль-Тепе. Изображения лошадей встречены на кобанских бронзовых топорах, фигурки двух лошадей есть на втулке бронзового копья из с. с. Дзомаг. Скульптурные изображения лошадей и всадников найдены во многих погребениях на территории Грузии, что свидетельствует о культе этого животного. С территории Армении также известно большое количество фигурок лошадей, которые датируются концом II – началом I тыс. до н.э. Самая большая группа скульптурных изображений в Тлийском могильнике – это фигурки лошадей. Кобанские статуэтки полностью идентичны тлийским. Известно много фактов принесения коня в жертву при погребении человека. В 6 могильниках Грузии зафиксированы и отдельные погребения лошадей. Конский череп найден и в Тлийском могильнике. В каменных закладах погребений XII-X вв. до н.э. часто попадались зубы лошади. Литые бронзовые фигурки лошадей об-

наружены в погребениях второй половины XII – X вв. до н.э. Именно к этому времени относится возникновение отгонной формы скотоводства [36, 135-136, 173, 196-197, 387].

Помимо иных фигурок лошадей и всадников, приведённых выше, в своде О.А.Брилёвой приводятся данные и о бронзовых навершиях жезлов, культовых площадках с фигурками колесниц, запряженных парой лошадей, которые относятся к XV-IX вв. до н.э. Среди них – подобные предметы из курганов №№ 9 и 10 Лчашенского могильника, а также могильника Лори-Берд (погребение 7). Из каменноящичного погребения в местности Лезги-дзор у с. Паравакан известна бронзовая фигурка лошади, выполненная в стилизованной манере [6, 116-119, 126, 128, 316].

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что с третьей четверти II тыс. до н.э. вначале для Восточного Закавказья, а затем – и сопредельных территорий фиксируется повышение роли лошади в военном деле и церемониально-обрядовых действиях, связанных, в том числе, и с погребальными культами. Это проявляется и в появлении разнообразных фигурок этих животных, выполненных из бронзы, камня, терракоты и глины. И если для Закавказья были более характерны их стилизованные образы, то для Северного Кавказа – они чаще натуральны, отражая факты не только доместификации, но и работу по селекции определённых пород (восточный вариант кобанской археологической культуры). Композиции с наездниками, чаще всего, отражают религиозно-магические представления, в которых значительное место уделено вооруженным всадникам. Появление на северном склоне Большого Кавказского хребта обряда захоронения лошадей связано с закавказскими традициями, формирование которых связано с внутренним поступательным развитием, а не с инокультурными влияниями. Воздействие подвижно-скотоводческого населения южнорусских и северопричерноморских степей на данный сегмент погребальной обрядности не просматривается. Прекращение традиции его применения у представителей северокавказских племен Северо-Восточного Кавказа может быть связано со значительными изменениями в их социальном устройстве в первые века I тыс. до н.э. и увеличением роли отдельной (малой) семьи. Ряд образцов вооружения (луки) свидетельствуют о том, что кавказскими воинами использовались и их модели сложного рефлексирующего типа, что заставляет усомниться в однозначной трактовке его кочевнического, киммерийско-скифского происхождения. Помимо приведенных выше всадников с луками на бронзовом топоре из окрестностей с. Сулори и всадника на навершии бронзовой булавки из собрания Венского музея, обратим внимание на фигурку воина, помещенного на навершии культового жезла, происходящую из погребения № 17 некрополя I Ширакаванского могильника [6, кат.326]. На его левом боку размещен предмет, напоминающий небольшой сложно-рефлексирующий лук в чехле, показанный, вероятно, со снятой тетивой. Воины на колесницах, скорее всего, демонстрируют обрядово-церемониальные действия, в связи с чем их предметы вооружения, в основном, защитного свойства. Для дальнейшего изучения требуется привлечение более широ-

кого круга источников, прежде всего – бронзовых гравированных поясов, что будет предпринято нами во второй части данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа (Ред.: П.С.Уварова). Издательство типографии Мамонтов и К. М., 1900. 381 с.
2. Козенкова В.И. Об одном типе кавказских булавок // КСИА, вып.132. М., 1972, с.12-15.
3. Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // СА, 1973 № 2, с. 178-190.
4. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы (По следам исчезнувших культур Востока). М., «Наука», 1977. 150 с.
5. Дударев С.Л. К проблеме взаимодействия племён Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, АГПУ, 1995. 49 с.
6. Брилёва О.А. Древняя антропоморфная пластика Кавказа (XV-X вв. до н.э.). М., «Таус», 2012. 424 с.
7. Козенкова В.И. Пряжки-кони кобанской культуры: к кавказско-луристанским контактам XI-X вв. до н.э. // РА, 2006 № 4, с.18-23.
8. Брилёва О.А. Классификация антропоморфной металлопластики Кавказа // РА, 2007, № 4, с.155-169.
9. Брилёва О.А. Свидетельства всаднического культа на Кавказе // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э.А.Грановского и Д.С.Раевского. Выпуск IV. 14-16 декабря 2009 г. М., ИВ РАН, 2009. с. 31-32.
10. Брилёва О.А. Сравнительный анализ набора антропоморфной пластики центрального, западного и восточного вариантов кобанской культуры // КСИА, вып.223. М., «Наука», 2009, с.172-182.
11. Дударев С.Л. Проблема освоения железа населением Северного Кавказа (советская и российская историография второй половины XX века). // Сборник научных работ С.Л.Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М., «Илекса», 2011. с.61-72.
12. Бурков С.Б. К вопросу об установлении временных границ и этапов в изучении эпохи раннего железного века (на материалах Чечни) // Археология и этнология Северного Кавказа, вып.5. Нальчик, 2015, с.25 – 37.
13. Брилёва О.А. Бронзовая антропоморфная скульптура Кавказа в эпоху поздней бронзы // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Вып.3. Ставрополь, 2011. с.9-21.
14. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. до н.э.-IV в. до н.э.). М., «Восточная литература», 1993. 349 с.
15. Вольная Г.Н. Изображения фигурок коня с всадником в искусстве кобанской и колхидской культур // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвя-

- ценной 70-летию Ю.И.Воронова (10-11 мая 2011 г.). Сухум, 2011. с.79-92.
16. Вольная Г.Н. Образ всадника в прикладном искусстве раннего железного века и в фольклоре народов Кавказа // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 90-летию со дня рождения И.Х-М. Урусбиева, 4-5 июня 2010 г.. Том 1. Карачаевск, КЧГУ, 2011. с.158-164.
 17. Брилёва О.А. Образ всадника и всадницы в антропоморфной пластике Кавказа // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти М.Н.Погребовой 25-27 апреля 2016 г. М., ИВ РАН, 2016. с.25-27.
 18. Чшиев Х(В).Т. Некоторые линии развития связей Северного Кавказа и Передней Азии в предскифское-раннескифское время // Вестник РУДН, серия «Всеобщая история», 2014, № 4, с.69-74.
 19. Чшиев Х(В)Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифско-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. Сборник статей к юбилею В.И.Козенковой. Грозный, 2011, с.165-169.
 20. Чшиев Х (В).Т. Кавказско-причерноморские связи в эпоху поздней бронзы-раннего железа (по новым материалам кобанских памятников Северной Осетии-Алании // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти М.Н. Погребовой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.). М., ИВ РАН, 2016, с.248-251.
 21. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., «Восточная литература», 1997. 152 с.
 22. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско – скифским миром. Грозный, ЧИГУ, 1991. 155 с.
 23. Семёнов В.А. Мифологические персонажи на бронзовых поясах кобанско-тлийской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции 26-30 апреля 2010 г. ООО «Пилигрим». Магас, 2010. с.321-323.
 24. Техов Б.В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II–первой половине I тысячелетия до н.э.(по бронзовым поясам из Тли). Издательство ВНИЦ, Владикавказ, Цхинвал, 2001. 316 с.
 25. Вольная Г.Н. Изображения фигурок коня с всадником в искусстве кобанской и колхидской культур // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Ю.И. Воронова (10-11 мая 2011 г.). Сухум, 2011. с.79-92.
 26. Вольная Г.Н. Подвески в виде сдвоенных протом лошадей из памятников Центрального Кавказа в раннем железном веке // Древность: исто-

- рическое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э.А.Грановского и Д.С.Раевского. Вып.V. 12-14 декабря 2011 г. И. ИВ РАН, 2011. с.66-70.
27. Козенкова В.И. Об одном типе кавказских булавок // КСИА, вып.132. М., 1972, с.12-15.
 28. Вольная Г.Н., Депенева А.Б. Фигурка конного воина из экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г.. «Мавраевъ», Махачкала, 2012. с.167-169.
 29. Техов Б.В. Бронзовые пояса Центрального Кавказа // Известия ЮОНИИ, том XIII. Цхинвал, 1964, с.261-300.
 30. Авдиев В.И.История Древнего Востока.М., «Высшая школа», 1953. 703 с.
 31. Албегова (Царикаева) З.Х., Ковалевская В.Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. М: Грозный, ИА РАН, ИГИ АН ЧР, 2011. с.277-295.
 32. Козенкова В.И. Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., «Наука», 2001. 198 с.
 33. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ, вып. В2-5. М.,1982. 175 с.
 34. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, вып. В2-5. М., «Наука»,1977. 88 с.
 35. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., «Искусство», 1984. 240 с.
 36. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., «Наука», 1977. 240 с.
 37. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. САИ, вып.3 В2-6. М., «Наука», 1989. 196 с.
 38. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. Вып. В2 – 5. М., «Наука», 1995. 166 с.
 39. Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX – VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, ЧИГУ, 1984, с.15-30.
 40. Козенкова В.И. Материальные свидетельства животного мира «кобанцев» как проявление культурной универсалии общеиндоевропейских мифологических традиций // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции (Грозный,18-21 апреля 2016 г.). Грозный, ЧГУ, 2016. с. 94-96.
 41. Король Г.Г. Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика // КСИА, вып.221. М., 2007, с.194-203.

42. Чшиев Х (В.) Т. Всадничество у племён кобанской археологической культуры Кавказа // Вестник СОГУ, серия «общественные науки». Владикавказ, 2012 № 4, с.96-100.
43. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы - раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск III). М., «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.
44. Дударев С.Л. К проблеме взаимодействия племён Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, АГПУ, 1995. – 49 с.
45. Нераденко Т.Н. Связи племён Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э. – автореферат диссертации...к.и.н. Киев, 1988. 17 с.
46. Вольная Г.Н. К вопросу о чертах переднеазиатского искусства в кобанском варианте скифо – сибирского звериного стиля // Вопросы северокавказской истории. Выпуск II. Армавир, АГПИ, 1997. с.8-18.
47. Вольная Г.Н. Об истоках образа крылатого хищника в археологических и фольклорных источниках Кавказа // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, «Алашарбага», 2006. с.129-134.
48. Козенкова В.И. Культурно – исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., «Наука, 1996. 163 с.
49. Дударев С.Л. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго – Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.).- Армавир: АГПИ, 1999. 400с.
50. Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. - Киев: АН Украины, 1994. 94 с.
51. Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. - Киев: Шлях, 2005. 380 с.
52. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М., Наука, 2008. 455 с.
53. Давудов О.М. О происхождении обряда грунтовых захоронений конца II – начала I тыс. до н.э. в Южном Дагестане // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978 – в кн.: Материалы по изучению историко-культурного наследия. Крупновские чтения 1971-2006 гг. М., Ставрополь, «Памятники исторической мысли», «Наследие», 2008. с.196-197.
54. ОАК 1897 г. СПб, Типография Главного управления уделов, 1900. 191 с.
55. Погребова М.Н. Об освоении коня древними народами Южного Кавказа // Проблемы научной истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной конференции 15 декабря 2010 г., посвящённой памяти Г.М. Бонгард-Левина. М., ИВ РАН, 2010. 114 с.

56. Аликперов А.И. Терракоты древнего Азербайджана. Баку, «ЭЛМ», 1994. 134 с.
57. Есаян С.А., Мнацаканян А.О. Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА, 1970 № 2, с.157-168.
58. Джафаров Г.Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // РА, 1993 № 4, с.191-207.
59. Гулиев Ф.Э. Погребения с конскими захоронениями в курганах Азербайджана. Баку, ЭЛМ, 2008. 325 с.

Sergey Borisoviç Burkov

**II MIN. SONU- I MIN. ƏVVƏLLƏRİNDƏ QAFQAZIN RITUAL
PLASTİKASINDA VƏ QRAFİK İNCƏSƏNƏTİNDƏ AT ARABASI,
SÜVARI VƏ AT TƏSVİRLƏRİ. MƏNBƏLƏR VƏ TARİXŞÜNASLIQ.
I HİSSƏ**

XÜLASƏ

Məqalədə Cənubi Qafqazda aşkar olunmuş üzərində at, at arabası və süvari təsvirləri olan ritual plastika nümunələri və bəzəkli tunc kəmərlər araşdırılır. Eləcə də bu tip təsviri ənənənin yaranma səbəbləri və inkişafı məsələləri təhlil olunur, tədqiqata cəlb olunmuş əşyaların dövrü, qrafik təsvirlərin bədii üslubları və formaları, silah elementləri araşdırılır. Qəbir və məişət abidələrindən aşkar olunmuş materialların təhlilinə əsaslanaraq bir sıra obrazların, həmçinin bu komplekslərdən və ya təsadüfən tapılmış tunc kəmərlərin müəllif tərəfindən interpretasiyası təqdim olunur.

Tli nekropolundan aşkar olunmuş materiallara xüsusi diqqət yetirilir. Materialların təhlilinə əsasən müəllif mənbələrin öz interpretasiyasını təqdim edir və problemlə məşğul olan digər tədqiqatçıların nəticələrinə tənqidi yanaşır. Tədqiqatın nəticələri müşahidələrə əsaslanır. Sonda ümumi fikirlər və nəticələr göstərilir.

Sergey Borisovich Burkov

**IMAGES OF THE CHARIOT DRIVERS, HORSEMEN AND HORSES
IN THE CULT FIGURES AND THE GRAPHIC ARTS OF THE CAUCASUS
OF LATE II – EARLY I MILLENNIUM BC SOURCES AND
HISTORIOGRAPHY.
PART I**

SUMMARY

The article analyzes the sources and the studies of the objects of the cult figures, as well the bronze ornamental belts found in the South Caucasus, in relation to the images of horses, chariots and riders. The article provides analysis the conditions of appearing and development of this fine tradition, the dat-

ing of the items, and analyzes artistic methods and forms of the engraved drawings, the elements of weapons. The author offers interpretation of a number of characters based on the analysis of materials of the funeral and household sites, and also the bronze belts found in complexes and found by accident. Special attention is paid to the findings from the Tli burial ground. With reference to the analysis of the materials, the author interprets the sources and the critically evaluates conclusions of other researchers involved in the study of this problem. Results of the work are issued by a number of observations, generalizations and conclusions.